

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

И ЗВЕРИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

И звери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25739661

Аннотация

«Когда Христос воскрес – то об этом прежде всего с удивлением узнали земляные черви. Сказали кротам, которые и сами уже это подозревали, кроты поговорили с полевыми мышами, а мыши часто выбегают из норок: от мышей узнали суслики и зайцы. Вскоре, таким образом, дело это стало известно всему звериному царству. Звери не говорят друг с другом словами, как люди, а совсем иным способом сообщаются, и притом так скоро и верно, что вести между ними распространяются по всей земле быстрее, чем по телеграфу...»

Зинаида Гиппиус

И звери

Когда Христос воскрес – то об этом прежде всего с удивлением узнали земляные черви. Сказали кротам, которые и сами уже это подозревали, кроты поговорили с полевыми мышами, а мыши часто выбегают из норок: от мышей узнали суслики и зайцы. Вскоре, таким образом, дело это стало известно всему звериному царству. Звери не говорят друг с другом словами, как люди, а совсем иным способом сообщаются, и притом так скоро и верно, что вести между ними распространяются по всей земле быстрее, чем по телеграфу.

Так вот, когда воскрес Христос, звери тотчас же об этом заговорили. Сначала они были просто в недоумении, потому что случилась такая вещь в первый раз; но едва выяснилось, что после Воскресенья Христа будут воскресать и все люди, – звери чрезвычайно огорчились и обиделись. Люди будут воскресать, а про зверей ничего не известно.

Стали звери частенько собираться маленькими кружками, особенно в ночь, когда люди празднуют Воскресенье Христа; толковали между собою и спорили. Многие злобствовали.

Вот, собрались некоторые в одну такую ночь (очень давно уж это было) – и опять стали друг другу жаловаться.

– Что это, в самом деле, – сказала старая лошадь. – Бьешь-ся-бьешься целую жизнь, ездит на тебе человек, а потом из-

дохнешь, и кончено. А человек помрет – так нет, воскреснет, как ни в чем не бывало, и опять жить. Прежде – лучше: он ездит, ты возишь, ну – куда ни шло, оба одинаково помрем, одинаковый конец и ему, и мне. А теперь – просто сил терпеть нету.

Была на собрании больная курица. У нее покривилась шея, потому что однажды громадный щенок бросился на ее цыплят, она бросилась их защищать, и щенок куснул ей шею.

– Да, – сказала курица. – Уж если с нами что-нибудь случается, так уж конец. Уж нечего ждать. Одного моего сына, которого я у собаки вырвала, люди потом зарезали и съели. И все-таки они воскреснут. А сын мой не воскреснет, и я его больше никогда не увижу. Ведь и я пропаду.

Собака тоже была на собрании и стала бормотать, извиняясь перед курицей: она была тогда молода, она не знала, хотела поиграть с цыплятами. А что касается людей...

Но собаку перебил осел:

– Что касается людей, – сказал он, – то удивительно, до чего они глупы, медлительны, непонятливы и слепы! И все-таки им позволено воскресать. Мы, звери, мало знаем, – но уж до такой степени ничего не понимать и не видеть, как люди, – это даже странно. Например, мы видим ангелов, а они их совершенно не видят.

– Неужели не видят? – с удивлением спросила кошка. – Ты уверен?

– Ну, еще бы! Дети человеческие, самые маленькие, ви-

дят, а чуть начнет говорить – теряет всякое зрение. Подумайте! На моей прапрабабушке поехал раз человек – Валаамом его звали – по какому-то нехорошему делу. Едет по переулку. Ангел загородил дорогу. Человек не видит – и ведь какой человек! Пророком считался. Прапрабабушка видит ангела – ну, конечно, остановилась. Не идти же на ангела! А пророк ее бить. До того дошло, что прапрабабушке, в виде снисхождения, позволено было человеческими словами сказать пророку, что тут ангел стоит не пускает дальше. Нет ничего они не видят!

Все звери стали удивляться, потому что все они отлично видели ангелов, где только ангелы ни проходили. В Светлую ночь Воскресенья Христа они обыкновенно слетали на землю толпами, скользили и поодиночке. Молоденькая птичка тут же заметила одного, который пролетал в эту минуту над лесом, и повернула к нему свою красную шейку.

Красная она у нее была оттого, что вела она свой род от серых птичек, которые летали над крестом, когда Христа распинали. Птички эти старались клювами выдернуть гвозди у Него из рук, и кровь Его брызнула им на шейку. Так и стали у них с тех пор расти там красные перышки.

– Послушайте, – сказала красношейка. – Что мы все спорим да мучаемся? Время идет. Отчего мы не спросим у ангела? Давно бы нам спросить. Терпим-терпим... Пусть нам ангел, скажет за что мы обижены! Ну-ка, я полечу за ним, позову!

Все звери сразу почувствовали, что это хорошо, и удивились, что давно не пришло им это в голову. Но лететь за ангелом не пришлось, Он сам в эту минуту остановился над ними, точно прислушался, где его зовут, медленно опустился на землю, мерцая светом широких крыльев. Потом сложил крылья и сел на большой, поросший мохом камень среди зверей.

Звери не то что испугались, но немного сконфузились. Говорить с ангелами им приходилось мало. А тут было очень важное дело – дело всей жизни.

– Христос воскрес! – сказала, наконец, собака.

Ангел ответил, серьезно и радостно:

– Воистину воскрес!

– Вот люди за Ним воскресают, а мы воскреснем? – простонала голодная волчица и сложила умоляюще лапы. – Воскреснем?

Тогда звери заговорили по-своему все сразу: не понимали, чем люди лучше зверей и за что им дано воскресенье.

Кошка даже плечами пожалала.

– Они противные, глупые и злые, – сказала она. – Да, впрочем, и звери все глупы и противны. По мне, если сказать правду, лучше бы и звери не воскресали. Мне бы одной вечно жить, а до других мне ни малейшего дела нет. Люди же – полное ничтожество. Смеют еще воскресать!

Тут случилось неожиданное. Только что кошка успела это выговорить, как на нее с лаем, забыв об ангеле, кинулась со-

бака. Лаяла, захлебывалась, вся дрожала, едва можно было разобрать, что она такое хочет сказать.

– Не могу я так! – вопила собака. – Не могу! Я – собака, пес, и люди меня часто не понимают и сдохну я под забором, – а все – таки хочу, чтоб если не мы – так хоть люди пусть воскресают! Пусть они, милые, воскресают! Я и сдохну, а любить их буду, потому что кого же мне любить, если они совсем умрут?

Курица больная заклохтала:

– Вот правда! Вот и я так! Только я не о людях! Я о сынке думаю: пусть я пропаду, только бы он жив был! Кого ж мне любить, коли его нету?

Тогда вдруг ангел улыбнулся. Пошло от него сиянье; в небе даже заходили столбы. Звери примолкли, иные съжились и смотрели на ангела. Еще не понимали. Что-то он скажет?

И ангел сказал, – не словами, а может быть, и словами, – но так, что все звери его услышали. Сказал:

– Звери вы, звери! Что же вы еще знать хотите, когда сами все знаете? О чем меня спрашиваете?

Собака завиляла хвостом и промолвила робко:

– Да вот... Воскреснем ли мы или нет?

Ангел опять улыбнулся.

– Ты сама знаешь, – сказал он. – Ты сама сказала, что хочешь всегда любить. Любовь никогда не пропадает. Если любишь – значит, и воскреснешь. И ты, курица. Любишь сын-

ка – ну, и воскреснешь, чтобы любить его дальше.

Собака тихо лизнула кончик ангелова крыла и сказала:

– А кошка-то, значит не воскреснет? Мне ее жалко. Она просто глупая.

Глаза всех зверей с сожалением обратились на кошку. Она съежилась, ей было холодно и чего-то стыдно. И страшно, хотя она храбрилась.

Но тут увидели все, что летят целые рои ангелов, летят низко под облаками, освещая облака. Летят и поют: Христос воскрес! Волчица подняла морду, смотрела, осел смотрел, откинув уши, и лошадь, и курица, и собака, – все. Стала и кошка смотреть, сощутив глаза, не могла удержаться. И хоть никого еще не любила, все-таки принялась на что-то надеяться. Все звери, даже самые тупые и злые, даже вовсе ничего еще не понявшие, смотрели, слушали. И вдруг звериным своим, живым существом почували раз навсегда, что ничем они не обижены, что не для людей одних воскрес Христос, а и для них, бессловесных. И радостно стало зверям.

Ангел поднялся с камня, еще раз улыбнулся, распустил свои широкие-широкие крылья, так что они надо всеми зверями сидящими распростерлись, и полетел вверх, за улетевшим роем братьев, которые пели о том, что из мертвых воскрес Христос.